

ЦЕЛИ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА

Игорь Олегович Ткачев

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия

tkachyov@mail.ru

 <http://orcid.org/0000-0003-4546-7010>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос относительно целей конфискации как иной меры уголовно-правового характера. Автор формулирует критерии, которым должны соответствовать цели того или иного уголовно-правового института, относящегося к мерам уголовно-правового характера. Такими критериями признаются репрезентативность, специфичность и постижимость. Под постижимостью понимается возможность проверки, был ли достигнут соответствующий результат уголовно-правового воздействия. Используя указанные критерии, автор приходит к убеждению, что конфискации как иной мере уголовно-правового характера свойственны иные цели, нежели наказанию. С учетом того, что достижение цели восстановления социальной справедливости по результатам реализации норм о конфискации не может быть достоверно установлено, единственной целью конфискации предлагается считать предупреждение совершения новых преступлений (общую и частную превенцию). При этом общая превенция обеспечивается, в том числе, посредством осознания членами общества возможности кары в виде изъятия и обращения в доход государства имущества, добытого преступным путем или использованного при совершении преступления.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера; конфискация имущества; цели конфискации; восстановление социальной справедливости; предупреждение совершения новых преступлений

Для цитирования: Ткачев И. О. Цели конфискации имущества // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 106–110. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-106-110

Research article

PURPOSES OF CONFISCATION OF PROPERTY

Igor O. Tkachev

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation

tkachyov@mail.ru

 <http://orcid.org/0000-0003-4546-7010>

Abstract. The article discusses the issue of the purposes of confiscation as another measure of a criminal law nature. The author formulates criteria that should correspond to the objectives of a particular criminal law institution. Such criteria include representativeness, specificity, and comprehensibility. Comprehensibility refers to the possibility of verifying whether an appropriate result of criminal legal action has been achieved. Using these criteria, the author comes to the conclusion that confiscation, as a different measure of criminal law, has different goals than punishment. Given that the achievement of the goal of restoring social justice based on the results of the implementation of confiscation regulations cannot be reliably established, the sole purpose of confiscation is proposed to be the prevention of new crimes (general and private prevention). General prevention is provided, among other things, through awareness by members of society of the possibility of punishment in the form of withdrawal and conversion to income.

Keywords: other criminal law measures; confiscation of property; purposes of confiscation; restoration of social justice; prevention of new crimes

For citation: Tkachev IO. Purposes of Confiscation of Property. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):106–110. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-106-110

Введение

Уральская школа уголовного права традиционно уделяла повышенное внимание изучению вопросов эффективности уголовно-правовых мер противодействия преступности. Данному направлению научных исследований посвящали свои труды М. И. Ковалев [7], И. Я. Козаченко [8], П. С. Тоболкин [13], Ю. Н. Емельянов [4] и другие авторы. При этом следует отметить, что в советский период в фокусе внимания находилась эффективность преимущественно уголовного наказания. Однако нормативное расширение перечня мер, применяемых в связи с совершением запрещенного уголовным законом деяния, и, как следствие, введение в уголовный закон категории «иные меры уголовно-правового характера», существенно расширило научные горизонты. В настоящее время требуется осмысление того, насколько эффективны как отдельные такие меры (например, конфискация), так и их система в целом как альтернативный наказанию институт уголовного права.

Материал и методы

При написании настоящей статьи использовано действующее уголовное законодательство Российской Федерации, а также специальная литература по заявленной теме. В основу исследования положены общенаучные (анализ, синтез, диалектический метод) и научно-исследовательские методы исследования (прежде всего, метод формально-юридического анализа нормативных актов и различные приемы толкования правовых норм).

Результаты и обсуждение

Оценка эффективности наиболее тесным образом связана с учением о целях. В уголовном праве под целью понимается осознанный образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлено соответствующее действие (или, применительно к наказанию и иным мерам уголовно-правового характера, — воздействие). Как верно отмечается на страницах юридической литературы, нормативное закрепление целей того или иного института «позволяет определить представление законодателя о том конечном результате, который должен быть достигнут посредством реализации данного уголовно-правового института в правоприменительной практике» [14, с. 25]. Таким образом, эффективность может быть оценена только через призму того, насколько соответствующее действие (воздействие) приводит к желаемому результату, то есть достижению поставленной цели (если, конечно, такая цель сформулирована законодателем верно).

При этом, по нашему мнению, цель должна отвечать нескольким критериям.

1. Цель должна быть репрезентативной, то есть достоверно отражать сущность соответствующего уголовно-правового института (наказания, иных мер уголовно-правового характера и т. п.).

2. Цель (или совокупность целей) должна обладать свойством специфичности, то есть позволять определить место соответствующего института в системе мер уголовно-правового противодействия преступности, в том числе его специальное (отличное от иных мер) назначение.

3. Цель должна обладать свойством постижимости, то есть представлять собой такой результат, достижение (или, напротив, недостижение которого) может быть установлено каким-либо достоверным способом. Иначе говоря, должна иметься возможность произвести верификацию достижения поставленного результата в процессе правоприменительной деятельности. В противном случае (если результат не постижим и (или) не верифицируем) невозможно судить об эффективности соответствующего уголовно-правового института.

Последнее свойство имеет важное правоприменительное значение. Так, например, применительно к принудительным мерам медицинского характера отмечается, что если цели их применения не были достигнуты, то прекращение таких мер неправомерно [12, с. 24].

Для отечественного уголовного законодательства характерно наличие пробела, заключающегося в отсутствии нормативно определенных целей иных мер уголовно-правового характера. Так, действующая редакция УК РФ содержит указание только на цели применения принудительных мер медицинского характера (ст. 98 УК РФ) как отдельной разновидности иных мер уголовно-правового характера. При этом указанная норма была включена в уголовный закон еще до того, как раздел VI Общей части получил современное наименование и был дополнен новыми главами.

Отмеченный выше пробел порождает научную дискуссию относительно соотношения целей наказания и целей иных мер уголовно-правового характера в целом, а также их отдельных видов. Можно констатировать, что на сегодняшний день в науке уголовного права по данному вопросу сложились два подхода. Представители первого из них считают, что и цели иных мер уголовно-правового характера, и цели наказания производны от задач уголовного законодательства, обозначенных в ст. 2 УК РФ, в связи с чем друг от друга не отличаются [11, с. 81]. Например, принудительным мерам воспитательного воздействия, по мнению С. А. Бурлаки, присущи те же цели, что и наказанию, хотя восстановление социальной справедливости при реализации указанных мер обеспечивается лишь частично [2, с. 25]. Аналогичной позиции применительно к конфискации придерживается Р. Х. Кубов [9, с. 13].

Другие авторы, напротив, полагают, что цели как отдельных иных мер уголовно-правового характера (конфискации, судебного штрафа и т. п.), так и всего указанного института отличаются от целей, сформулированных в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Изменение представлений об уголовно-правовой природе конфискации, вызванное исключением данной меры из системы наказаний и последующим восстановлением в отдельной

главе Общей части УК РФ, закономерно влечет трансформацию представлений о целях ее применения.

Так, Т. М. Калинина и В. В. Палий полагают, что конфискация преследует следующие цели: 1) предупреждение совершения новых преступлений; 2) восстановление нарушенных прав законного владельца; 3) исключение возможности использования перечисленных в ст. 104.1 УК РФ предметов при совершении преступлений [6, с. 77]. При этом, по нашему мнению, между первой и третьей из обозначенных выше целей нет принципиального различия. Невозможность использования тех или иных предметов при совершении новых противоправных деяний направлено именно на их предупреждение, так как это затрудняет или делает невозможным противоправную деятельность конкретного лица, подвергнутого данной мере уголовно-правового характера. В связи с этим можно предположить, что, говоря о предупреждении совершения новых преступлений, указанные авторы имеют в виду общую превенцию, а под исключением возможности использования предметов при совершении преступления — превенцию частную.

С точки зрения Р. А. Хачака, конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера присущи две цели — восстановление социальной справедливости и предупреждение преступлений [14, с. 27]. При этом указанный автор ограничивает превентивный потенциал рассматриваемой меры. По его мнению, конфискации не свойственна общая превенция, т. к. изъятие имущества у одного лица не может вызывать боязни данной меры у всех остальных членов общества [14, с. 27].

Н. Э. Мартыненко и Э. В. Мартыненко подходят к решению вопроса о целях конфискации дифференцированно. По их мнению, к конфискации как иной мере уголовно-правового характера следует относить только изъятие и обращение в доход государства предметов, перечисленных в п. «а» и «б». ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Такая конфискация направлена на полное и качественное восстановление всех нарушенных общественных отношений, а также предупреждение (профилактику) совершения новых преступных деяний [10, с. 78, 83]. Вместе с тем, с позиции указанных исследователей, виды конфискации, предусмотренные п. «в» и «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, не могут быть в полной мере отнесены к иным мерам уголовно-правового характера. При этом конфискация предметов, указанных в п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, направлена на достижение тех же целей, что и наказание, а специальная конфискация, установленная п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, преследует исключительно цель предупреждения совершения новых преступлений [10, с. 85–86].

В контексте исследуемой темы следует обратить внимание, что в уголовно-правовой доктрине применительно к наказанию сформировалось несколько подходов относительно содержания такой цели как восстановление социальной справедливости.

Так, представители *компенсаторной теории* понимают под восстановлением социальной справед-

ливости восстановление нарушенного состояния охраняемого общественного отношения, в котором оно находилось до совершения виновным лицом преступления. Соответственно, говоря о восстановлении посредством конфискации нарушенных общественных отношений, в том числе восстановлении прав законного владельца, отмеченные выше исследователи, по сути, имеют в виду именно цель восстановления социальной справедливости.

В частности, Р. А. Хачак отмечает, что «восстановление общественного отношения, нарушенного преступлением, должно обеспечиваться прежде всего путем изъятия имущества, полученного преступным путем, и либо его возвращением законному владельцу, либо конфискацией, заглаживанием виновным материального или морального вреда» [14, с. 26]. Из этого указанный исследователь делает вывод, что отобрание у виновного перечисленного в ст. 104.1 УК РФ имущества следует рассматривать именно как восстановление нарушенного права.

Вместе с тем, не отрицая саму по себе возможность восстановления социальной справедливости посредством применения иных мер уголовно-правового характера, отметим, что действующая редакция главы 15.1 УК РФ не позволяет согласиться с изложенным выше тезисом. Как следует из положений ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, конфискация представляет собой принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства определенного имущества, так или иначе связанного с совершенным преступлением. Задачи возвращения имущества законному владельцу либо обеспечения возмещения материального или заглаживания морального вреда посредством такой конфискации не решаются. Для их решения уголовно-процессуальным законодательством предусмотрены отдельные механизмы (например, наложение ареста на имущество, установленный порядок хранения и разрешения вопроса о вещественных доказательствах и т. п.). Более того, в ч. 1 ст. 104.3 УК РФ законодатель специально отметил, что при разрешении вопроса о конфискации в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении вреда, причиненного преступлением законному владельцу. В связи с этим при недостаточности у виновного имущества, которое может быть конфисковано в соответствии с положениями УК РФ, из стоимости такого имущества прежде всего возмещается причиненный преступлением вред, и лишь оставшаяся часть имущества обращается в доход государства, т. е. конфискуется. Очевидно, что возмещение причиненного законному владельцу вреда за счет стоимости имущества, подлежащего конфискации, самой конфискацией не является ни по смыслу нормативных предписаний, ни с учетом их грамматического толкования.

В контексте анализируемой цели конфискации заслуживает внимания позиция А. Беляева, отмечающего, что изъятие имущества и доходов от него из незаконного владения виновного лица фактически означает приведение этого лица в прежнее имущественное

положение, которое у него было до совершения преступления, что, по мнению указанного исследователя, представляет собой «обратное восстановление» [1, с. 17]. Вместе с тем, нельзя не отметить некоторую ограниченность обозначенного выше подхода к оценке восстановительной функции конфискации. Из действующей редакции ст. 104.1 УК РФ следует, что изъятию и обращению в доход государства подлежит не только то имущество, которое было получено противоправным путем, но и имущество, которое на момент совершения преступления находилось у виновного на законном основании (п. «в» — «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). В таком случае применение норм о конфискации обусловлено исключительно тем фактом, что имущество используется при совершении преступления. При этом с точки зрения гражданского законодательства факт использования имущества при совершении преступления не делает владение таким имуществом незаконным. Получается, что конфискация не всегда сопряжена с изъятием имущества именно из незаконного владения виновного лица. Неслучайно, наверное, о незаконности владения конфискованным имуществом в уголовном законе не сказано ничего. При изъятии и обращении в доход государства того имущества, которое на законных (с точки зрения гражданского законодательства) основаниях находится у лица, конфискация ни в какое прежнее имущественное положение виновного не приводит и «обратным восстановлением» считаться не может.

В рамках *теории сатисфакции* под восстановлением социальной справедливости понимается появление у потерпевшего и иных лиц (в том числе у общества в целом) чувства удовлетворения от назначенного виновному наказания или от применения к нему иных мер уголовно-правового характера. В таком случае наказание и иные меры уголовно-правового характера рассматриваются в качестве реакции государства на совершенное преступление, которая пришла на замену социальному институту кровной мести. Данное восприятие тесно связано с элементом кары. Чувство отмщения появляется именно в связи с осознанием того, что имело место порицание преступника от имени государства, то есть в той или иной форме имело место применение кары за противоправное деяние. Однако, согласно одному из подходов, иным мерам уголовно-правового характера карательная функция не свойственна, что и позволяет говорить о них, как об отдельном уголовно-правовом институте, отличном от института наказания [5, с. 25–26; 10, с. 15]. Аргументируя позицию о том, что конфискация лишена карательного характера, Г. М. Калинина и В. В. Палий обращают внимание, что изъятию в доход государства подлежит не все имущество виновного, а только та его часть, которая была незаконно приобретена или незаконно использована [6, с. 76].

Вместе с тем, по нашему мнению, конфискация имущества, добытого преступным путем (п. «а» и «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), может восприниматься членами общества как справедливое воздаяние за совершение общественно опасного деяния, то есть выступать в качестве кары за содеянное. Тот факт, что изъятие носит частичный характер, представления о воздаянии не отменяет. В связи с этим заслуживает внимания позиция Т. Ф. Миняевой, согласно которой кара так или иначе присуща любой принудительной мере воздействия на преступника [11, с. 86–87].

Тем не менее, с учетом третьего обозначенного нами свойства целей мер уголовно-правового характера, определение в качестве цели конфискации восстановления социальной справедливости, базирующегося на теории сатисфакции, затруднительно, поскольку невозможно каким-либо образом «измерить», насколько в обществе было удовлетворено чувство мести за содеянное. Однако при этом, по замечанию В. К. Дуюнова, кара выступает в качестве средства предупредительного воздействия как на самого преступника, так и на других неустойчивых лиц [3, с. 10–11]. Соответственно, возможность изъятия имущества, добытого преступным путем или использованного в процессе совершения противоправных действий, выступая в обыденном сознании в качестве элемента кары за содеянное, способна выполнять предупредительную функцию, о результатах которой можно судить как применительно к частной превенции (уровень криминологического рецидива), так и применительно к общей (уровень преступности в целом или ее отдельных видов).

Заключение и выводы

Таким образом, проведенное исследование показало, что с учетом правовой природы конфискации как иной меры уголовно-правового характера ей не могут быть свойственны те же цели, что и уголовному наказанию (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Конфискация в современном ее качестве может быть направлена на восстановление социальной справедливости, однако законодательному признанию и закреплению данной цели препятствует ее неопределенность с точки зрения конкретных результатов уголовно-правового воздействия.

В связи с этим единственной целью конфискации как иной меры уголовно-правового характера выступает предупреждение совершения новых преступлений (общая и частная превенция), заключающаяся в том числе в осознании членами общества, включая потенциального правонарушителя, возможности кары в виде изъятия и обращения в доход государства имущества, добытого преступным путем или использованного при совершении преступления.

Список источников

1. Беляев А. Новое уголовно-правовое регулирование конфискации имущества // Уголовное право. 2007. № 2. С. 17–21.
2. Бурлака С. А. Цели принудительных мер воспитательного воздействия // Российский следователь. 2013. № 5. С. 25–28.
3. Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 49 с.
4. Емельянов Ю. Н. Некоторые аспекты эффективности уголовного наказания // Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства. Сборник ученых трудов СЮИ. Свердловск, 1974. Вып. 29. С. 72–79.
5. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки и виды: учебное пособие / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин. СПб., 2015. 80 с.
6. Калинина Т. М., Палий В. В. Иные меры уголовно-правового характера: научно-практический комментарий / отв. ред. А. И. Чучаев. М., 2011. 152 с.
7. Ковалев М. Эффективность уголовно-правовых санкций // Социалистическая законность. 1972. № 9. С. 53–56.
8. Козаченко И. Я. О системе и системном подходе в исследовании эффективности уголовно-правовых норм (В порядке постановки вопроса) // Вопросы повышения эффективности уголовного законодательства в современных условиях. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1979. С. 13–24.
9. Кубов Р. Х. Виды конфискации имущества в российском законодательстве // Российский следователь. 2007. № 24. С. 13–16.
10. Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Иные меры уголовно-правового характера: монография. М., 2022. 152 с.
11. Миняева Т. Ф. Цели наказания и иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения в современном уголовном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 5. С. 81–87.
12. Спасеников Б. А., Смирнов А. М., Тихомиров А. Н. Цели принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 3. С. 24–28.
13. Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм / науч. ред. М. И. Ковалев. Свердловск, 1983. 176 с.
14. Хачак Р. А. Цели конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Российский следователь. 2009. № 5. С. 25–27.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ**Ткачев Игорь Олегович**

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: tkachyov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4546-7010

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**Igor O. Tkachev**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law named after
M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: tkachyov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4546-7010

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 19.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 27.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.